

данской женой Огарёва, из европейского путешествия и их присутствием в 1848 г. в революционной Франции.

Вторая часть книги состоит из документов, связанных с эпохой освобождения крестьян – от завещания Я.И. Ростовцева до частных мнений и проектов дворян Пензенской губернии. Многие из них публиковались на страницах издаваемого местным помещиком Желтухиным в Петербурге «Журнала землевладельцев» и обсуждались в Губернском комитете по улучшению быта помещичьих крестьян. Значительная часть материалов (выступления пензенских помещиков И.В. Сабурова, Н.И. Чарыкова) опубликована впервые по оригиналам, хранящимся в Государственном архиве Пензенской области. Отдельного внимания заслуживает упомянутая во второй части докторская

диссертация А.С. Кайсарова «Об освобождении крепостных в России» (1806), где подчёркивалась преемственность взглядов передовых дворян на отмену крепостного права двух эпох – начала и середины XIX в.

Книга В.В. Терентьева – хороший пример историко-публицистических размышлений о судьбе России в контексте прошлого и настоящего. И пусть с некоторыми выводами автора (например, о том, что в период отмены крепостного права в России «произошли рождение и смерть провинциального дворянства как политической силы в государстве», с. 105) можно спорить, это не умаляет общей ценности издания. Знакомство с ним, несомненно, будет интересно не только историкам-профессионалам, но и широкой читательской аудитории.

Сергей Рудник, Александр Пученков

Рец. на: В.С. Измозик. «Чёрные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 696 с.

Sergei Rudnik

(National Mineral Resources University, Saint Petersburg, Russia),

Aleksander Puchenkov

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

Rec. ad op.: V.S. Izmozik. «Chernye kabinety»: istoriia rossiiskoi perliustratsii. XVIII – nachalo XX veka. Moscow, 2015

После 20-летнего упорного труда¹ известный петербургский историк профессор Владлен Семёнович Измозик – близкий друг и единомышленник недавно скончавшегося выдающегося российского учёного, члена-корреспондента РАН Р.Ш. Ганелина² и один из основателей Общества изучения истории отечественных спецслужб – опубликовал первое обобщающее научное исследование перлюстрации XVIII – начала XX в. Книга написана хорошим литературным языком, понятным как профессиональным историкам, так и простым читателям. Не портят общее впечатление даже встречающиеся иногда повторы.

В своей монографии автор даёт блестящий историографический обзор, справедливо уделив в нём особое внимание работам З.И. Перегудовой и О.Ю. Абакумова, и критически анализирует источники, включая как опубликованные, так и ранее не использовавшиеся даже специалистами документы, среди которых «материалы десяти центральных и местных архивов» (с. 50). «Особую настороженность» Измозик проявляет к воспоминаниям, поскольку «они, как правило, пишутся спустя много лет после описываемых событий, а память человека избирательна и несовершенна». К тому же мемуарист «почти всегда старается

представить себя с положительной стороны и подчеркнуть своё знание скрытых пружин “высокой политики”» (с. 55–56). Яркий пример тому – бывший цензор В.И. Кривош, писавший под псевдонимом «С. Майский», – один «из ярчайших работников “чёрных кабинетов”, трудившийся на этом поприще с 1893-го по 1935 год, но отличавшийся в своих рассказах и воспоминаниях необузданной фантазией» (с. 35).

Монография состоит из шести глав и шести приложений. В первой главе говорится о возникновении и развитии официальной службы, занимавшейся перлюстрацией в XVIII–XIX вв. и появившейся одновременно с развитием регулярной почтовой связи (хотя отдельные «следы перлюстрации» автор обнаружил ещё в первой половине XVI в.). При этом «первоначально перлюстрация рассматривалась как инструмент внешней политики» (с. 71): вскрывались преимущественно письма иностранных подданных и дипломатов. Во второй четверти XVIII в. «тайное вскрытие почтовой переписки приобрело» системный характер (с. 75). Особое любопытство к тайнам дипломатической корреспонденции проявляла Елизавета Петровна, которая «лично вникала во все детали столь щекотливого дела» (с. 81). Благодаря умению российских перлюстраторов вскрывать конверты, оставляя минимум следов, были разоблачены интриги французского посланника маркиза Шетарди, а затем и лейб-медика императрицы И.-Г. Лестока. В то время перлюстрацией руководил петербургский почт-директор Ф. Аш. Кроме того, важную роль в этом деле играл учёный-математик и криптограф Х. Гольдбах. В годы правления Екатерины II (письма которой, в бытность её великой княгиней, также вскрывались) «масштабы перлюстрации дипломатической почты значительно выросли». Чиновники российских «чёрных кабинетов» читали тогда переписку дипломатов 30 государств. Более того, «зачастую Екатерина II читала дешифрованные депеши иностранных дворов к послам в Санкт-Петербурге ранее, чем сами послы» (с. 85). Императрица нередко сама давала указания, чью почту вскрыть и копии чьих писем отправить ей. Кроме того, она

интересовалась перепиской остзейских дворян, фрондирующих вельмож и своего сына Павла. Помимо этого, перлюстрация тех лет имела «также целью не допустить нелегальную пересылку денег» (с. 88).

В конце XVIII – начале XIX в. в восьми городах империи при почтовых конторах были учреждены специальные «секретные экспедиции». Затем их число и местонахождение менялись, некоторые возникали лишь на короткое время, другие существовали до 1917 г. Так, только с 1834 по 1837 г. действовали пункты перлюстрации в Томске и Иркутске, практически не доставлявшие важных сведений. В период польского восстания 1830–1831 гг. был создан «чёрный кабинет» в Минске.

Но на протяжении XIX в. просмотр частной корреспонденции именовался в официальных документах «непроницаемой тайной». Как отмечает автор, «одна из главных характерных черт перлюстрации состоит в том, что в отличие от других спецслужб тайной является само её существование» (с. 390). Издавая либеральные указы, запрещающие читать чужую переписку, власть постоянно делала «исключения» и допускала их нарушение, поскольку «государственные интересы самодержавной монархии требовали как можно более полных сведений о настроениях самых различных групп населения» (с. 90–91). В результате, несмотря на демонстрируемый либерализм, «по примеру своих предшественников Александр I сам занимался делами перлюстрации» (с. 94). В частности, стремясь «не допустить утечки за границу какой-либо нежелательной информации», он «до конца жизни» читал переписку своей матери с её племянником принцем Евгением Вюртембергским (с. 91). Под пристальным наблюдением находились настроения элит и «обывателей, особенно в беспокойных районах империи» (с. 92). Выписки из просмотренных писем царю доставлял директор Санкт-Петербургского почтамта. Постепенно власть всё сильнее интересовала суждения и слухи о правительстве, а также факты «злоупотреблений и притеснения частных лиц» (с. 111). «Перлюстрация всё больше становилась инструментом политического розыска и политического контроля, – констатирует Измозик. – Правительство по

мере формирования общества, отделяющего себя от государства, всё более желало знать, о чём действительно думают его подданные» (с. 112).

В просмотр корреспонденции также «охотно вмешивалось военное начальство, как в столице, так и на местах» (с. 117), а действующая армия с начала XIX в. стала «важным объектом наблюдения при проведении перлюстрации», на что впервые в отечественной историографии обратил внимание именно Измозик. Ещё в январе 1799 г., в ходе подготовки к войне с Францией, чиновники, «имевшие опыт перлюстрации», были направлены в корпуса на должности помощников полевых почтмейстеров (с. 95). В 1805–1807 гг. и накануне Отечественной войны 1812 года в русской армии устраивались полевые почтамты, сотрудники которых «читали письма сановников, военных». По словам Измозика, «уже в это время появились зачатки “алфавита”, т.е. постоянного контроля за перепиской некоторых лиц на протяжении ряда лет». Главным же «надзирателем за ведением перлюстрации и хранителем особо секретных выписок являлся А.А. Аракчеев». Во время заграничного похода 1813–1814 гг. контролировалась переписка «не только военнослужащих, но и жителей государств, через которые проходили войска» (с. 102). В 1815 г. белорусский военный губернатор принц А. Вюртембергский предписал витебскому гражданскому губернатору, чтобы «прежде отправления вскрываемы были» письма тех, кто ранее числился в польских частях наполеоновской армии. Затем, как пишет Измозик, «указание это далее было спущено с нарастающим идиотизмом губернскому почтмейстеру», которому следовало читать корреспонденцию «от кого бы то ни было польской нации». Между тем почтмейстер недоумевал, как узнать «тот час» от «подавателя» письма, «какой он нации» (с. 108–109)?

В записке «Об устройстве высшей полиции», подготовленной А.Х. Бенкендорфом для Николая I, говорилось, что «вскрытие корреспонденции составляет одно из средств тайной полиции и при том самое лучшее, так как оно действует постоянно и обнимает все пункты империи» (с. 115–116). Во второй четверти XIX в.

особое внимание уделялось Царству Польскому и декабристам, сосланным в Сибирь и на Кавказ. Но в ряде случаев «местное почтовое начальство» получало «секретные предписания» просматривать письма, адресуемые в том числе и жандармским офицерам. Даже шефу жандармов гр. А.Х. Бенкендорфу приходилось просить не распечатывать направляемые ему конверты (с. 143–144).

Со временем всё острее ощущался дефицит служащих (в том числе со знанием еврейского, греческого, итальянского, молдавского и валахского языков). Например, в 1829 г. во всех почтовых контролах империи «чиновников, по секретной части употребляемых», «насчитывалось тридцать три человека, из них семнадцать – в Санкт-Петербурге» (с. 129). В год ими читались десятки тысяч писем (в среднем – 10% из тех, что пересылались по почте) (с. 154).

Измозик подробно рассматривает многочисленные реорганизации в почтовом ведомстве и службе «чёрных кабинетов». В царствование Николая I «произошло определённое разделение ответственности за дело перлюстрации»: главноуправляющий Почтовым департаментом и его подчинённые занимались собственно просмотром корреспонденции, «а выписки и копии писем непосредственно докладывались государю начальником III Отделения» (с. 119). При Александре II право представлять императору «пакеты с перлюстрированной перепиской» вновь получил главноначальствующий над Почтовым департаментом (с. 136). Так или иначе на протяжении десятилетий общее руководство перлюстрацией «принадлежало главному директору почт, президенту Главного почтового правления и главноначальствующему над Почтовым департаментом, министру внутренних дел и министру почт и телеграфов» (с. 133). В пореформенный период «в связи с передачей почтового ведомства в состав МВД “чёрные кабинеты” сначала временно, а с марта 1881 года – окончательно, вплоть до 1917 года, оказались в прямом подчинении министра внутренних дел». С тех пор именно он докладывал императору о наиболее важных сведениях, полученных из вскрытых писем, кроме тайн телеграф-

ной дипломатической почты (с. 137). Как отмечает автор, «руководство “чёрными кабинетами” стремилось тщательно охранять свою монополию на перлюстрацию, не желая допускать в эту сферу представителей других секретных служб» (с. 145). Пытались контролировать эту деятельность и генерал-губернаторы, особенно в западных губерниях. В борьбе с революционерами одной из главных проблем являлась дешифровка их посланий. Созданная в Париже в 1883 г. «Заграничная охранка» уделяла внимание «организации контроля за перепиской революционных эмигрантов».

Во второй главе Измозик показывает, «как проходил сам процесс перлюстрации». Во всей империи «нельзя было вскрывать письма трёх человек» — императора, министра внутренних дел и начальника III Отделения, «а после его упразднения — директора Департамента полиции». Одно время читались письма наследника престола вел. кн. Николая Александровича к М.Ф. Кшесинской (с. 186), есть подозрения, что прослеживалась и переписка вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, «по распоряжению П.А. Столыпина и А.А. Макарова проводилась перлюстрация корреспонденции Г.Е. Распутина и его кружка» (с. 192). Столыпин старался контролировать даже переписку своих родственников (с. 189), не говоря уже о министрах, членах Государственного совета, депутатах Думы и т.д. (с. 192–193). Николай II, если верить А.Д. Протопопову, «почти не интересовался» перлюстрацией, зато императрица Александра Фёдоровна «просила сообщать ей выписки, касавшиеся Распутина» (с. 215). На основе просмотренных писем в Департаменте полиции составляли для императора ежегодные обзоры. После революции 1905–1907 гг. с материалами перлюстрации знакомили председателя Совета министров, а некоторые сведения сообщали также министру юстиции и главе военного ведомства, «но без предоставления выписок» (с. 220).

Измозик подробно описывает механизм перлюстрации, осуществлявшейся, в частности, в главном здании Санкт-Петербургского почтамта («небольшая комната», «особый шкаф», «особые пакеты»).

Перлюстрация проводилась по «алфавиту», который представлял собой «список лиц, чья корреспонденция подлежала обязательному просмотру», и методом случайной выборки. «Алфавит» составлялся в основном министром внутренних дел и Особым отделом Департамента полиции: «По стране в разные годы он насчитывал от 300 до 1 тыс. фамилий и адресов. В него входили деятели революционных, либеральных, монархических партий, редакторы газет и общественные деятели, депутаты Государственной думы, члены Государственного совета, придворные и т.д.» (с. 194). Например, в 1895 г. перлюстрировалась корреспонденция Н.Ф. Анненского, Н.А. Бердяева, Ю. Пилсудского, Ф.И. Родичева, С.Н. Южакова и др.

В Петербурге в начале XX в. слушающие «чёрного кабинета» «трудились ежедневно с девяти часов утра до девятидесяти часов вечера», вскрывая в день «от 2 тыс. до 3 тыс. писем». В «чёрных кабинетах» при почтамтах Варшавы, Киева, Москвы, Одессы, Харькова и Тифлиса «вскрывалось от 100 до 500 писем». «Поступившую корреспонденцию, — пишет Измозик, — надо было вскрыть, прочитать, при необходимости сделать выписки (так называемый меморандум), сфотографировать, проявить скрытый “химический” текст, расшифровать (если текст был зашифрован), снова вложить в конверт, заклеить и вернуть на почтамт для дальнейшего следования по назначению». При этом разделение обязанностей сотрудников «определялось приобретённой квалификацией» (с. 202). Так, чтением писем при Санкт-Петербургском почтамте занимались четыре человека, каждый из них читал около 250 писем в день и «в среднем на сто вскрытых конвертов делалась одна выписка» (с. 207). Вечером собранные сведения отправлялись с курьером на квартиру министра внутренних дел или директору Департамента полиции, а «письма с “химическим” текстом или с шифром фотографировались либо отправлялись в Особый отдел» (с. 207), где их направляли к криптографам. В книге подробно рассказывается о деятельности «гения дешифровального дела» И.А. Зыбина, который «мог найти ключ к самым сложным шифрам» (с. 210–212).

К 1908 г. Кривош сделал «два важных изобретения в технике перлюстрации», предложив вскрывать письма «с помощью специального аппарата наподобие электрического чайника» и усовершенствовав «технику изготовления состава для печатей, которые наносились особенно часто на дипломатическую почту» (с. 204–205). Многие свидетельства указывают на безукоризненность устранения следов вскрытия. Значительно труднее было восстановить письмо, написанное каким-нибудь революционером, после подогревания бумаги и проявления химического состава чернил. Для этого следовало подобрать точно такую же бумагу, переписать текст (явный и секретный), подделывая почерк, и привести конверт в такой вид, чтобы он не вызывал подозрений.

После событий 1905–1907 гг. для сотрудников «чёрных кабинетов» наступили трудные времена. Им приходилось изобретать всё новые способы сохранения секретности пересылки материалов перлюстрации из провинции в Петербург. Они вкладывали одни пакеты в другие, использовали различные адреса и печати. Руководитель почтово-телеграфного ведомства В.Б. Похвиснев даже «был не прочь избавиться от службы перлюстрации и передать её в подчинение прокуратуре» (с. 238). Однако власть, опасаясь огласки и «общественного возбуждения», ограничилась лишь некоторым увеличением финансовых средств. В результате «в годы Первой мировой войны независимо от создания официальной военной цензуры “чёрные кабинеты” продолжали свою деятельность» (с. 240), хотя строгие традиции, связанные с охраной её тайны, в условиях «министерской чехарды» стали нарушаться.

По данным Измозика, общий штат сотрудников «чёрных кабинетов» менялся незначительно: в 1908 г. – 39 человек, в 1913 г. – 42, к концу 1916 г. – 46 человек (с. 223). При этом их расходы постоянно увеличивались, а из-за резкого роста в начале XX в. объёма почтовых пересылок возникла необходимость направить на помощь им ещё 89 чиновников.

Помимо тайной, но официально разрешённой верховной властью, по мнению Измозика, существовала ещё и совер-

шенно незаконная, или «инициативная», перлюстрация. Почтовые служащие порою вскрывали письма по собственному усмотрению, из любопытства или по приказу местных администраторов, стремившихся «не допустить утечки нежелательной информации» и желавших «первыми узнать о возможных жалобах обывателей вышестоящему начальству» (с. 261). Жандармские офицеры в борьбе с «крамолой» не брезговали никакими средствами. Там, где не было «чёрных кабинетов», губернские власти и руководители ГЖУ «привлекали к сотрудничеству начальников местных почтово-телеграфных контор для просмотра корреспонденции своих возможных конкурентов, “неблагонадёжных” и подозрительных лиц» (с. 263). Измозик приводит многочисленные примеры того, как почтовые служащие предоставляли такого рода «мелкие услуги» жандармам, получая за это дополнительное ежемесячное вознаграждение. На учреждённых при Департаменте полиции курсах для жандармских офицеров «преподавались сведения о порядке производства перлюстрации, о технике вскрытия писем и калькирования почерков» (с. 265). Тех же сотрудников, кто не одобрял подобную практику, переводили в другие места.

Третья глава монографии раскрывает историю службы перлюстрации и дешифровки дипломатической почты в XIX – начале XX в. «С начала XIX века, – отмечает исследователь, – официальные послания иностранных дипломатов проходили через “Чёрный кабинет” Санкт-Петербургского почтамта, а затем поступали в российское Министерство иностранных дел. Телеграфными шифрованными донесениями занимались в дешифровальном отделении МИДа России». «Одновременно с 1815 года была налажена перлюстрация дипломатической почты в русской почтовой конторе в Бухаресте», где этим «весьма усердно занимался почтмейстер И.П. Яковенко», дававший советы даже К.В. Нессельроде (с. 279). В небольшой по объёму главе основное внимание автор уделяет противостоянию создателей новых кодов и дешифровщиков второго отделения Особой канцелярии МИД, пытавшихся разгадать секреты английских, турецких, японских и др. шифров.

Каждый сотрудник дешифровального отделения при приёме «на службу давал особую подписку» о неразглашении государственных тайн. Измозик показывает все тонкости и трудности их работы, указывая, что, судя по отчёту за 1912 г., «на расшифровку иностранных дипломатических ключей требовалось примерно от полугода до двух с половиной лет» (с. 287). Но благодаря ей «правительство имело достаточно ясное представление о реальной позиции иностранных дипломатов в Петербурге по отношению к тем или иным действиям России». Все расшифрованные донесения немедленно сообщались императору. Граф В.Н. Ламздорф в дневнике (дошедшем до нас не полностью) «около шестидесяти раз упоминает о доложенных Александру III и Николаю II материалах перлюстрации и резолюциях государей на них» (с. 297). В целом, по оценке Измозика, накануне и в годы Первой мировой войны российская служба перлюстрации и дешифровки дипломатической корреспонденции «справлялась со своими задачами и не уступала основным внешнеполитическим партнёрам того времени» (с. 301).

В ходе работы над книгой автору приходилось «вести индивидуальный учёт работников “чёрных кабинетов”». Все они официально служили цензорами иностранных газет и журналов, часть из них занималась собственно цензурой «и перлюстрации не касалась, другая же, бо́льшая часть в основном занималась перлюстрацией и по совместительству – цензурой, третьи числились прикомандированными к МВД и отправленными в распоряжение Главного управления почт и телеграфов» (с. 305–306). В конечном итоге Измозiku удалось установить фамилии всех 44 чиновников, занимавшихся перлюстрацией в 1913 г.

При подборе сотрудников «чёрных кабинетов» в первую очередь обращали внимание на политическую благонадёжность и умение держать язык за зубами (об этом свидетельствуют, в частности, любопытные выдержки из рекомендательных писем, приведённые в книге), «вторым важнейшим требованием к кандидатам на должность было знание нескольких иностранных языков» (с. 314). Среди них встречались настоящие полиглоты. Особенно выделялся Кривош,

владевший более чем двадцатью языками. Автор подробно изучает биографии трёх старших цензоров Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов, возглавлявших «чёрные кабинеты» в 1886–1917 гг. – К.К. Вейсмана, А.Д. Фомина и М.Г. Мардарьева. Однако историк вынужден признать почти полное отсутствие «материалов, позволяющих воссоздать живой облик чиновника “чёрных кабинетов” начала XX века, кроме В.И. Кривоша» (с. 319)³. Служащие, занимавшиеся перлюстрацией, не оставили никаких личных заметок, дневников, воспоминаний, их частную жизнь приходится воссоздавать буквально по крупицам.

Тем не менее, проделав кропотливую работу, Измозик создал на основании 106 формулярных списков коллективные портреты чиновников «чёрных кабинетов» первой (42 человека) и второй половины XIX в. (55), а также начала XX в. (9). Им посвящена четвёртая глава монографии. Исследователя интересовали «происхождение, вероисповедание, наличие или отсутствие недвижимости, образование, возраст к моменту допуска к секретной работе, родственные связи» (с. 322). Он убедительно опровергает устойчивое представление о поголовном высшем образовании цензоров и их «весьма почтенном возрасте», часто встречающееся в популярной литературе. На самом деле из 106 человек, перлюстрировавших корреспонденцию в XIX – начале XX в., «высшее образование имел двадцать один (19.8%)». При этом «более половины – шестьдесят один человек (57.5%) – начали службу в “чёрных кабинетах” до тридцатилетнего возраста» (с. 326).

Как установил Измозик, «в начале XX века жалование чиновников цензуры иностранных газет и журналов состояло из нескольких частей: выплаты из сумм почтового ведомства по занимаемой должности, добавочные выплаты из “особой” (секретной) суммы, надбавка за каждые пять лет выслуги, награды к Пасхе (раз в два года) и Рождеству (при наличии неизрасходованного остатка бюджета)». Кроме того, в мае 1892 г. министр внутренних дел получил «право выплачивать чинам почтового телеграфного ведомства деньги на наём квартиры (“квартирные”), но не более 30% присвоенного жалования» (с. 330).

«За особые заслуги» они, как и прочие служащие, могли рассчитывать на ценные подарки (табакерка, перстень и т.п.), «пожалование земель или арендой, единовременное денежное вознаграждение или увеличение жалования, производство в следующий чин, награждение орденом» (с. 329–333). Так, цензор Г.Н. Люби на протяжении 18 лет («вплоть до смерти в 1905 году») «ежегодно получал 400 руб. в качестве наградных» за то, что он в январе 1887 г. «перлюстрировал в Санкт-Петербургском почтамте письмо студента П. Андреюшкина приятелю в Харьков – и тем самым дал возможность арестовать 1 марта того же года группу А.И. Ульянова» (с. 337). Автор указывает также на ряд прошений о выдаче денежных сумм, предоставлении пенсий (в том числе негласных) и т.д. Вместе с тем эти сведения, возможно, следовало дополнить данными о ценах того времени и жаловании, выплачивавшемся в других ведомствах.

Всё же служба чиновников «чёрных кабинетов» «была если не опасна, то трудна». Поскольку им приходилось каждый день читать газеты, журналы и сотни писем, «к тому же в большинстве своём написанных далеко не каллиграфическим почерком», их профессиональной болезнью становилось заболевание глаз (с. 345). В XIX в. здоровье подрывало также изготовление и использование смеси «для создания поддельных печатей, содержащей большое количество ртути» (с. 348). Тем не менее «известны лишь два случая, когда чиновники-перлюстраторы отказались от своей деятельности» (с. 355). Февраль 1917 г. круто изменил жизнь тех, кто осуществлял перлюстрацию. Многие из них были уволены и оказались на грани нищеты. А в январе 1930 г. 19 бывших сотрудников Петербургского почтамта, причастных к ведению перлюстрации, были осуждены по так называемому делу чёрнокабинетчиков (с. 373–374). Между тем, если до революции «сам масштаб перлюстрации оставался сравнительно небольшим» (ежегодно «вскрывалось максимум до миллиона писем»), то в 1924 г. «отделом политконтроля ОГПУ было прочитано 5 млн писем и 8 млн телеграмм» (с. 563).

В пятой главе («Роль “чёрных кабинетов” в политической и общественной жизни») Измозик показывает, что перлюстрация, эта «непроницаемая тайна», не составляла большого секрета для русского общества. Не случайно в мае 1812 г. генерал-лейтенант Н.Н. Раевский напоминал своему родственнику гр. А.Н. Самойлову, что «по почте кроме как о погоде и о здоровье писать не должно» (с. 377). Конфиденциальные сведения старались сообщать «с надёжной оказией» (с. 391). В конце 1850-х гг. в «Колоколе» открыто заявлялось о нарушении властью тайны переписки.

Размышляя о том, «каков же был для властных структур коэффициент полезного действия перлюстрации и был ли он вообще» (с. 394), Измозик критикует тех историков, которые считают деятельность «чёрных кабинетов» крайне неэффективной. Но при этом он справедливо отмечает, «что нет, не было и, вероятно, не будет ни одной структуры, в том числе в сфере спецслужб, коэффициент полезного действия которой равнялся бы ста процентам или хотя бы приближался к этому показателю» (с. 399). Так или иначе, «при всех необходимых оговорках перлюстрация давала возможность изучать градус общественных настроений с достаточно высокой точностью» (с. 401).

Перлюстрацию Измозик признаёт «частью системы политического контроля» (с. 409), включающей наблюдение за перепиской иностранцев (прежде всего – дипломатов), борьбу с шпионажем, выявление реальной или мнимой антиправительственной деятельности, обнаружение заговоров, тайных организаций, а также служебных и экономических злоупотреблений (контрабанда, финансовые нарушения, коррупция и т.п.), изучение настроений различных групп населения.

Одним из крупнейших успехов, достигнутых благодаря перлюстрации, стало раскрытие в конце XIX в. в западных губерниях и на юге России широчайшей разведывательной сети, которой руководили офицеры Австро-Венгрии. Не менее важен был и арест группы Ульянова в 1887 г. Просмотр переписки Г.М. и З.П. Кржижановских позволил Департаменту полиции получить «обширную информацию о положении в социал-демократическом движении» (в результате, в

пяти городах были проведены аресты, «к дознанию был привлечён пятьдесят один человек») (с. 449, 452).

Подводя итог своему многолетнему скрупулёзному труду, В.С. Измозик констатирует, «что перлюстрация в определённый исторический период была неизбежной, необходимой структурой политического сыска и политического контроля». По мнению учёного, «предоставляя властным органам огромный массив информации, она была лишь инструментом, умелое использование которого зависело от политической воли высшего руководства страны» (с. 564).

Примечания

¹ См., в частности, статьи, отразившие ход его работы: Измозик В.С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам

перлюстрации) // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного colloquiuma. СПб., 1999. С. 160–170; он же. Чёрный кабинет. К истории перлюстрации в России // Родина. 2000. № 10. С. 48–54; он же. Организация перлюстрации и дешифровки дипломатической почты в Российской империи // Государство, общество, архивы в истории России: К 60-летию А.Р. Соколова. СПб., 2009. С. 84–99; он же. Н.С. Лесков и «чёрные кабинеты» // Русская литература. 2012. № 2. С. 142–144; он же. Александр II и два капитана // Родина. 2012. № 3. С. 85–90.

² Измозик В.С. Воспоминания о Р.Ш. Ганелине // Межвузовская научная конференция «Россия в Первой мировой войне: Проблемы истории и историографии». Сборник докладов. Санкт-Петербург. 29 ноября 2014 года. СПб., 2014. С. 173–178.

³ См.: Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе: жизнь и приключения Владимира Кривоша. М., 2007.

* * *

Григорий Бибииков

Grigoriy Bibikov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

История российского политического сыска с начала 1990-х гг. оказалась в фокусе общественного и научного внимания. За прошедшие годы появились сотни публикаций, тематика исследований расширилась за счёт привлечения материалов региональных архивов, историки всё чаще обращались к локальным сюжетам, и теперь споры между ними ведутся уже на уровне глубокой детализации. Сыск оказался благодатной почвой для целого ряда диссертационных исследований. Узкая, более специфическая и трудоёмкая тема перлюстрации не открывает таких перспектив, и написано о ней до сих пор сравнительно немного. Владлен Семёнович Измозик – единственный историк, все эти годы целенаправленно занимавшийся её изучением и посвятивший ей более 20 статей. Отрадно, что его многолетний

труд завершился изданием обобщающей монографии.

Исследование В.С. Измозика открывается подробным обзором научной литературы и источников. В нём упомянуты все основные работы, так или иначе касающиеся сюжетов, связанных с перлюстрацией, за исключением нескольких диссертаций о деятельности губернских жандармских управлений второй половины XIX – начала XX в.¹, а также монографий американских русистов Дж. Дэйли и Ф. Цукермана, указанных только в библиографии².

Критикуя предшественников, Измозик справедливо, местами с доброй иронией, указал на их противоречия и ошибки, разглядеть которые под силу лишь узкому специалисту. Тонкое знание предмета подкупает, хотя автор зашёл столь далеко, что подробно разобрал сочинения

В.С. Пикуля. Всё же включение в историографический обзор художественных произведений и стенограмм заседаний Государственной думы едва ли оправдано. Вместе с тем в тексте явно не хватает обстоятельного и содержательного разбора наиболее значимых из упоминаемых трудов – монографии З.И. Перегудовой, статей О.Ю. Абакумова, Е.А. Гончаровой и др.³ А говоря об источниках, автор, наряду с проницательной критикой мемуарной литературы, почему-то ограничился простым перечислением проработанных им архивных коллекций.

Основные задачи исследования во введении прямо не сформулированы, но оглавление не оставляет сомнения в том, что автор стремился к систематическому освещению истории перлюстрации в Российской империи, включая организацию перлюстрационных пунктов, регламентацию их деятельности и связь с политическим сыском. Такому комплексному подходу соответствует и объём книги, и её внушительная источниковая база, включающая, по подсчётам Измозика, «303 дела в сорока восьми фондах десяти различных архивов» (с. 52). В первую очередь, это материалы почтового ведомства, МВД, документы III Отделения Собственной е.и.в. канцелярии, коллекция распорядительных документов, докладов и служебных инструкций по ведению перлюстрации, отложившихся в фонде Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих должностных лиц 1917 г. Автором проведена большая работа в фондах РГИА, ГА РФ, РГВИА, АВПРИ, РГА ВМФ, ЦГИА СПб., ОР РНБ, Архива Государственного Эрмитажа и Национального архива Республики Карелия. Оригинальные материалы следствия по «делу чёрнокабинетчиков» 1929 г. извлечены им из фондов архива Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл.

В первых двух главах книги прослеживается организационное становление службы перлюстрации с середины XVIII в. до 1917 г. «Чёрные кабинеты», в которых осуществлялось тайное вскрытие корреспонденции, создавались в XIX в. в крупнейших городах империи при поч-

товых конторах под вывеской цензуры иностранных газет и журналов. В служебной переписке их именовали также «секретными экспедициями». Города, где они функционировали, периодически варьировались, но их общее число не превышало десяти. Так, в 1914 г. «чёрные кабинеты» действовали при почтамтах Санкт-Петербурга, Москвы, Варшавы, Киева, Харькова, Одессы и Тифлиса. Характеризуя их положение и деятельность, Измозик описывает также эволюцию и устройство всего почтового ведомства.

Приоритетное право на просмотр перлюстрированных писем традиционно имела политическая полиция. Выписки из них подшивались к делам или объединялись в особое дело, важные сведения докладывались императору, отдельные записки – министрам и генерал-губернаторам. При Александре I сыск не был централизован, и в разное время подобные выписки передавались в МВД, Министерство полиции, Главный штаб и другие ведомства. После 1826 г. запросы на перлюстрацию корреспонденции отдельных подданных или группы лиц поступали к главноуправляющему над Почтовым департаментом преимущественно из III Отделения, здесь же проходила обработка выписок из просмотренных писем. Правда, как впервые показал Измозик, и после 1826 г. материалы перлюстрации внутренней переписки в течение нескольких лет стекались в Главный штаб к И.И. Дибичу. При этом «организационные вопросы – о преобразовании “чёрных кабинетов”, учреждении новых, награждении чиновников секретных экспедиций и т.д. и т.п. – решались императором преимущественно в ходе всеподданнейших докладов руководителя Почтового департамента. Сообщение же государю перлюстрированной корреспонденции (выписок, подлинников писем) и розыска по ней стало обязанностью начальника III Отделения» (с. 136). Такая система сохранялась и впоследствии, но с середины 1870-х гг., ещё до упразднения III Отделения, фактически монопольное право на перлюстрацию перешло к МВД. В начале XX в. списки лиц, переписка которых подлежала просмотру, доставлялись в Главное управление почт и телеграфов от министра внутренних дел

и отдельно — от директора Департамента полиции.

Поскольку руководители «чёрных кабинетов» в губернских городах не подчинялись местным властям, генерал-губернаторы и тем более гражданские губернаторы не могли получать выписки из перлюстрированных писем напрямую, минуя руководителя почтового ведомства. Это приводило к систематическим конфликтам. Периодически исключения делались для наместников на Кавказе, в Царстве Польском и генерал-губернаторов Западного края. Губернские жандармские штаб-офицеры — представители политического сыска на местах — в середине XIX в. могли знакомиться с перлюстрированными письмами в местных почтовых конторах, но для этого им следовало обращаться к шефу жандармов, запрашивавшему управляющего почтовой частью, который, в свою очередь, докладывал императору и, в случае одобрения, давал соответствующее распоряжение своим подчинённым. Столь длительная служебная переписка затрудняла оперативные розыскные мероприятия. С 1881 г. Главное управления почт и телеграфов было включено в состав МВД. Теперь директор Департамента полиции мог самостоятельно предоставлять начальникам губернских жандармских управлений доступ к материалам перлюстрации.

В книге рассмотрены основные нормативные акты, определявшие порядок вскрытия частных писем. При этом исследователь обращает внимание на часто игнорируемое историками различие между перлюстрацией и официальной цензурой, производившейся с ведома корреспондентов (например, ссыльных декабристов).

Более запутан вопрос законности ведения перлюстрации. Измозик рассматривает её как «тайное вскрытие корреспонденции в нарушение официальных законов данной страны» (с. 13). Но «с точки зрения абсолютной монархии», как отметил автор, действия, совершавшиеся «на основе прямых распоряжений императора», не являлись нарушением закона. Если же такое указание отсутствовало, перлюстрация «была всегда не только тайной, но и незаконной, хотя получала поддержку и одобрение высшего начальства,

в том числе руководства Департамента полиции и Министерства внутренних дел». В этом случае, по мнению Измозика, следует говорить об «инициативной перлюстрации».

Однако на практике последовательно провести подобное разграничение было не просто. В мае 1903 г. министр внутренних дел В.К. Плеве распорядился выдать начальникам ряда губернских жандармских управлений и охранных отделений открытые листы, подписанные начальником Главного управления почт и телеграфов, с санкцией на просмотр телеграмм. Этот циркуляр вполне соответствовал министерской политике, одобрявшейся Николаем II, но не был непосредственно им утверждён. Таким образом, как полагает автор монографии, в данном случае, в отличие от регулярной работы служащих секретных экспедиций, речь шла именно о незаконной — «инициативной» — перлюстрацией (с. 263–264). Видимо, всё же более последовательна З.И. Перегудова, утверждающая, что «перлюстрирование писем было действием незаконным»⁴.

Большой интерес представляет анализ автором бюджетов «чёрных кабинетов» за разные годы. В середине XIX в. расходы на перлюстрацию превышали затраты на центральные органы политического сыска, однако к концу столетия они принципиально не выросли. Общее количество писем, перлюстрированных в начале XX в., показано пропорционально объёму всей почтовой корреспонденции в империи и количеству выписок, представлявшихся в МВД (в среднем до 10 тыс. в год). Как пишет Измозик, если в начале XX в. «вскрывалось максимум до миллиона писем в год, то в 1924 году... отделом политконтроля ОГПУ было прочитано 5 млн писем и 8 млн телеграмм» (с. 563). Данное сравнение позволяет представить многочисленные цифровые показатели в новом свете, но явно нуждается в развитии. К сожалению, лишь краткое упоминание о поездках русских чиновников в Австрию для изучения техники вскрытия почтовых отправок напоминает о том, что такая практика существовала не только в России. Между тем об этом особенно важно помнить, читая третью главу, посвящённую вскрытию дипломатиче-

ской почты: она имеет самостоятельное научное значение, но заметно уступает другим разделам в детализации и носит в монографии скорее вспомогательный характер.

Возникновение регулярной перлюстрации Измозик относит к царствованию Екатерины II. Но наибольший интерес у него вызывают события конца XIX – начала XX в. Деятельность же Министерства полиции и его Особенной канцелярии в 1811–1819 гг. в книге стужёвана. Опираясь лишь на исследование ярославского историка А.Г. Чукарева, автор упоминает «особый комитет при правительстве», сформированный в 1826 г. и разработавший «специальные правила по осуществлению перлюстрации» (с. 116), однако ни состав, ни годы существования данного учреждения не указываются. Досадны и отдельные неточности и опечатки, также относящиеся преимущественно к дореформенному времени. Так, А.А. Закревский, назначенный московским генерал-губернатором в 1848 г., ошибочно представлен как военный губернатор Первопрестольной в 1843 г. (с. 151), А.И. Чернышёв к 1855 г. являлся уже не военным министром, а председателем Государственного совета и Комитета министров (с. 156, 158), С.И. Мицкевич назван членом РСДРП с 1893 г. (с. 441).

Цельное впечатление оставляет четвёртая глава, посвящённая личному составу «чёрных кабинетов». Измозик удалось восстановить штаты секретных экспедиций, определить общее число их служащих в некоторые периоды и установить фамилии всех чиновников, состоявших в них в 1913 г. Сделать это оказалось непросто, поскольку формально служившие в «чёрных кабинетах» являлись цензорами почтовых контор и их занятия «по секретной части» в формулярные списки не заносились. Во второй половине XIX – начале XX в. перлюстрацией писем занимались 40–50 человек (даже в условиях политической турбулентности штаты почти не расширялись). Проследившая по делопроизводственным материалам и источникам личного происхождения траектории их карьер, Измозик отмечает, что поступление в секретную экспедицию предполагало многолетний труд на одном месте, здесь в скрытом от посторонних

глаз, замкнутом коллективе нередко трудились родственники, складывались династии специалистов по вскрытию, чтению и дешифровке корреспонденции. Для них были предусмотрены повышенные оклады и разнообразные поощрения. Статус служащих цензуры иностранных газет и журналов, как и чинов политической полиции, в неформальной бюрократической иерархии был выше формально занимаемого ими места, а должности не имели класса. Находясь на скромном посту младшего цензора, можно было получить чин действительного статского советника, а руководил цензурой иностранных газет и журналов в начале XX в. действительный тайный советник А.Д. Фомин. Много внимания уделено в книге служебным будням «чёрных кабинетов», включая технику вскрытия и дешифровки корреспонденции.

Структура монографии такова, что первые две главы построены по хронологическому принципу, остальные четыре – по проблемно-тематическому, а завершает её экскурс в практику советского времени, которому ранее Измозик посвятил отдельную книгу⁵. Но внутренняя логика изложения материала далеко не всегда очевидна. Так, сведения о штатах и количестве перлюстрационных пунктов, а также об объёме вскрытой корреспонденции рассеяны по всему тексту, о руководителях почтовой цензуры XVIII – начала XX в. говорится в разделе «Николай I и служба перлюстрации». Вторая глава, посвящённая обстоятельствам конца XIX – начала XX в., открывается историей устройства перлюстрационного пункта в Тифлисе, после чего исследователь предлагает «рассказать о том, как происходил сам процесс перлюстрации» и «как отбирались письма для вскрытия» (с. 186). Раздел «Основные задачи перлюстрации и их решение» почему-то помещён ближе к концу книги (с. 409). Об одном сюжете, обещает автор, «будет подробно рассказано в следующей главе», о другом – «в четвёртой главе», а о третьем он уже «вскользь упомянул во введении» (с. 222–223). Такие неоднократные отсылки и многочисленные повторы создают замысловатый лабиринт, пройти по которому удастся только при очень внимательном чтении текста.

Самую обширную, пятую, главу, демонстрирующую роль «чёрных кабинетов» в политической и общественной жизни дореволюционной России, Измозик наполнил многочисленными примерами их работы и пространными цитатами из перлюстрированных писем и делопроизводственной документации. Избегая широких обобщений, он, скорее, указывает на требующие решения проблемы и даёт богатую пищу для размышления их будущим исследователям. Действительно, в рамках одного исследования едва ли возможно осветить на одинаково глубоком научном уровне все связанные с перлюстрацией аспекты политической жизни империи на протяжении полутора веков.

В первую очередь, нужно выяснить, что именно интересовало политическую полицию. В середине XVIII в. вскрывалась почти исключительно дипломатическая корреспонденция, но уже в начале XIX в., по словам Измозика, перлюстрация «всё больше становилась инструментом политического розыска и политического контроля» (с. 112). Однако источников, подтверждающих это утверждение, явно недостаточно. Необходимо уточнить и то, как относились к перлюстрации и, шире, к чтению чужих писем, в обществе – порицание данной практики, характерное для XIX в., в XVIII в. не было столь очевидным. Да и позднее, например, кн. П.А. Вяземский откровенно излагал в переписке свои позиции «в надежде, что правительство наше, лишённое независимых органов общественного мнения, узнает через перехваченные письма, что есть, однако же, мнение в России» (с. 116).

Для каких целей перлюстрация использовалась руководителями политического сыска? Изложенные в книге факты свидетельствуют о том, что, если в III Отделении выписки из вскрытой корреспонденции служили преимущественно для отслеживания общественных настроений, то в Департаменте полиции в них видели прежде всего инструмент полицейского и политического контроля за отдельными лицами, кружками и партиями. При этом возможности «чёрных кабинетов» уже не позволяли сделать представительную выборку, отражающую настроения всех социальных групп. И общий вывод Измозика о

том, что «при всех необходимых оговорках перлюстрация давала возможность изучать градус общественных настроений с достаточно высокой точностью» (с. 401), остаётся пока дискуссионным.

Особого внимания требует изучение связи перлюстрации, само существование которой, как справедливо отметил Измозик, «считалось государственной тайной» (с. 543)⁶, с ведением дознания, следствия и судебных процессов. В XVIII в. перлюстрированное письмо могло служить уликой для обвинительного приговора, да и последующая практика допускала множество разнообразных коллизий.

Не менее интересен опыт принятия политических и административных решений на основании материалов перлюстрации, а также её использования в политической борьбе. В книге увлекательно описаны обстоятельства увольнения в 1893 г. директора Департамента полиции П.Н. Дурново, противостояния С.Ю. Витте и В.К. Плеве, рассчитывавшего с помощью перлюстрации скомпрометировать своего противника. В специальном анализе нуждаются и упоминаемые Измозиком «Обзоры результатов перлюстрированных писем по важнейшим событиям и явлениям государственной и общественной жизни России», которые в начале XX в. ежегодно подавались императору министром внутренних дел. Впрочем, детальная характеристика перлюстрации как инструмента политической борьбы возможна, вероятно, лишь в сравнительно узких хронологических рамках и при глубоком проникновении в контекст правительственной деятельности⁷. Пока же выписки из просмотренных писем, сохранившиеся в делах III Отделения и Департамента полиции, успешно рассматриваются прежде всего как «ценнейшая часть источниковедческой базы для изучения общественно-политической жизни России»⁸.

Вне всякого сомнения, монография В.С. Измозика будет необходима для всех, кто изучает политическую историю Российской империи, и в первую очередь для исследователей государственного управления и тайной полиции. По обширности собранного фактического материала данная книга может служить своего рода энциклопедией перлюстрации. Значение

её сопоставимо с классическим трудом З.И. Перегудовой – дополняя друг друга, эти издания открывают для профессиональных историков новые перспективы.

Примечания

¹ См., например: *Белова А.В.* Тамбовское губернское жандармское управление: структура, деятельность, кадры. 1867–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2008; *Гончарова Е.А.* Местные органы политической полиции России в 1902–1914 гг. (на материалах Саратовской и Самарской губерний). Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008; *Романов В.В.* Организация и деятельность политической полиции Поволжья. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; и др.

² *Daly J.W.* Autocracy under Siege: Security Police and Opposition in Russia, 1866–1905. DeKalb, 1998; *idem.* The Watchful State: Security Police and Opposition in Russia, 1906–1917. DeKalb, 2004; *Zuckerman F.* The Tsarist Secret Police in Russian Society, 1880–1917. Palgrave Macmillan, 1996.

³ *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917). М., 2013. С. 290–309; *Абакумов О.Ю.* «Самая непроницаемая тайна» (О перлюстрации в России в середине XIX в.) // Освободительное движение в Рос-

сии: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 19. Саратов, 2001; *Гончарова Е.А.* Система перлюстрации в России в конце XIX – начале XX в.: вскрытие частной корреспонденции в государственных интересах // Вопросы истории. 2008. № 1. С. 96–102.

⁴ *Перегудова З.И.* Указ. соч. С. 291.

⁵ *Измозик В.С.* Глаза и уши режима (Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг.). СПб., 1995.

⁶ Основное правило, которое соблюдалось при организации сети перлюстрационных пунктов, гласило: «Самое главное средство употреблять с пользою перлюстрацию, есть то, чтоб оную производить самым секретным образом, не подавая даже вида, чтобы она существовала» (ГА РФ, ф. 109, СА, оп. 3, д. 508, л. 18, л. 1–1 об.).

⁷ См., в частности: *Абакумов О.Ю.* Указ. соч.

⁸ *Перегудова З.И.* Указ. соч. С. 303. См. также: *Измозик В.С.* К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации) // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного colloquium. СПб., 1999. С. 160–170; Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / Сост. К.А. Соловьёв. М., 2014.

Вадим Михайлов

Рец. на: Д.Б. Павлов. Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 261 с., ил.

Vadim Mikhailov

(Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Russia)

Rec. ad op.: D.B. Pavlov. Russko-yaponskie otnosheniia v gody Pervoi mirovoi voyny. Moscow, 2014

Вышедшая в свет монография доктора исторических наук, профессора, заместителя директора Института российской истории РАН Дмитрия Борисовича Павлова – результат его многолетней работы по изучению проблем русско-японских отношений начала XX в. Рецензируемая книга раскрывает одну из интересных тем, касающуюся не только участия Японии в Первой мировой войне, но и превращения

периферийной азиатской страны в ведущую политическую, военную и экономическую мировую силу.

Как справедливо заметил автор, «золотой век» японской дипломатии (1895–1925) был связан с «существенной корректировкой внешнеполитической ориентации Токио», в результате которой, «оставаясь формально верной союзническим отношениям с Великобританией,